

Юдин Александр Ильич

[ИДЕЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДА В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА](#)

В статье рассмотрена проблема поиска путей нравственного освобождения народа как условия становления гражданского общества. Нравственное освобождение трактуется как необходимый фактор прогресса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/2/31.html

Источник

[Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 107-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

THE SPECIFICITY OF PEASANT BANK FUNCTIONING DURING THE PERIOD OF STOLYPIN LAND MANAGEMENT IN TAMBOV PROVINCE (1906-1916)

Frolov S. A.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
hist@nnn.tstu.ru*

Abstract. The article depicts the interrelation of the activity of Peasant Land Bank with the agrarian policy of the government. On the example of Tambov province the importance of financial-credit establishments in agrarian sphere is defined.

Key words and phrases: Peasant bank; P. A. Stolypin reform; land management commissions; liquidating activity; bank estate; khutor; cut.

ИДЕЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДА В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Юдин А. И.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
ayudin51@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Ромаха О. В. и д.ф.н., проф. Медведевым Н. В.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема поиска путей нравственного освобождения народа как условия становления гражданского общества. Нравственное освобождение трактуется как необходимый фактор прогресса.

Ключевые слова и фразы: народ; государство; власть; насилие; просвещение.

Что значит освобождение народа? Крепостное право (рабовладение) было отменено в России в 1861 году, не так уж давно. Но свобода не приходит в результате тех или иных указов, а даже не в результате революционного переустройства, свобода есть медленное и тяжелое становление свободного рационального и нравственного сознания человека, свобода есть тяжелый и кропотливый путь преодоления рабского сознания, свобода есть каждодневный труд «выдавливания из себя раба». В современной жизни часто встречаем такое – экономически, социально, политически свободен, но нравственно – раб.

Поэтому освобождение народа есть не только политическое, экономическое и социальное, но и, прежде всего, нравственное явление. Без этого не может быть гражданского общества в России.

Вся русская общественная мысль XIX века прошла под знаком освобождения русского народа, а в XX веке народнические идеи получили в русском марксизме самые причудливые интерпретации. В XIX веке мужик стал главным персонажем русской общественной мысли, публицистики, а также одним из главных персонажей великой русской литературы. Причем к народу апеллировали как правые (знаменитая консервативная формула: православие, самодержавие, народность), так и левые радикалы (народ – основная движущая сила истории). Отсюда многозначность этого понятия, терминологическая неопределенность, некая мифологичность, даже некая мистичность.

В советской жизни XX века мистификация продолжилась, понятие народ приобрело культовое значение – все во имя народа, все для блага народа. Мифология не исчезла, но миф превратился в догму. Народ стал неким аксиоматическим понятием, исходной категорией, истинность которой подвергать сомнению нельзя. Народ знает, народ хочет, народ разберется, надо посоветоваться с народом – эти отзвуки ушедшего времени близки и знакомы людям старшего поколения.

Почему именно в XIX века проблема освобождения народа стала доминирующей не только в общественной мысли, но и во всей русской культуре? С позиций рационалистической материалистической методологии, причины этого явления мы находим в социально-экономических сдвигах русского общества. Россия, до середины XIX века оставалась рабовладельческой страной. Мучительно тяжело происходило разрушение сословного общества, отмена крепостного права (по сути рабства) создавала социально-экономические предпосылки для освобождения крестьян, народа. Отсюда такой жгучий интерес народу. Ведь эта многомиллионная, темная, забитая масса должна пробудиться, должна стать свободной, должна стать, в перспективе, основой гражданского общества, более того, гражданским обществом.

Пусть в гражданском обществе все равны, но в тоже время существует, говоря социологическим языком, правящая элита и управляемый ею народ. Отсюда проблема: каковы взаимоотношения власти и народа, ка-

ково противостояние власти и народа, каково их взаимопонимание, между ними диалог, диалог действительный или мифический, иллюзорный, или просто монолог? Способен ли народ к действительному, реальному диалогу с властью? Эти проблемы возникли не сегодня, они, к сожалению, а, может быть, к счастью, вечны. Они всегда актуальны, и всегда имеют свое конкретно-историческое, непохожее решение.

Наиболее остро проблема России и русского народа была сформулирована П. Я. Чаадаевым. В своих «Философических письмах» он «пригвоздил» Россию и русский народ к «позорному столбу». Славянофилы встали на сторону «несчастливого» русского народа, «мифологизировав» его образ. А. И. Герцен, как западник, более рационально взглянул на русский народ, хотя некоторую символизацию и поэтизацию любимого образа сохранил.

Чаадаев сформулировал проблему, и русское мыслящее общество задумалось над тем, что есть народ? Народ – эта некая субстанция общественного бытия, первооснова, некое исходное бытие. Все остальное, так или иначе, крутится около него, так или иначе, выражает к нему некое отношение, так или иначе, отталкивается от этого исходного бытия. Народ – вне нравственных и политических оценок, народ есть истина. «Народы – произведения природы; история – прогрессивное продолжение животного развития. Прилагай наш нравственный масштаб к природе, мы далеко не уйдем. Ей дела нет ни до нашей хулы, ни до нашего одобрения. Для нее не существуют приговоры и Монтнионовские премии. Мне кажется, что народ нельзя назвать ни дурным, ни хорошим. В народе выражается истина. Жизнь народа не может быть ложью. Природа производит лишь то, что осуществимо при данных условиях: она увлекает вперед все существующее творческим брожением, своею неутомимой жаждой осуществления, этой жаждой, общей всему живущему» [2, т. 7, с. 317]. «Идеи, которые связывают с этим словом, по большей части неопределенны, исполнены риторики, поверхностны. То народ поднимают до небес, то топчут его в грязь. К несчастью, не благородное негодование, ни восторженная декламация не в состоянии выразить верно и точно понятие, обозначаемое словом «народ»; народ – это мощная гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций, это обширный первый этаж, над которым надстроен шаткий балаган современного политического устройства» [2, т. 12, с. 43].

Такой подход Герцена является вполне оправданным, народ онтологическая, но не рефлексивная субстанция, она существует так, как природа, как море, река. Но пробуждение народа, есть рефлексия, есть осознание себя как субъекта исторического процесса, как субъекта творчества общественных форм.

По мнению Герцена, русский народ еще не проснулся: «Крестьянин, живущий в этих домишках, – в каком застали его кочующие полчища Чингис-Хана. События последних веков пронесли над его головой, даже не заставив его задуматься. Это промежуточное существование между геологией и историей» [2, т. 12, с. 43]. Может ли такой народ стать субъектом исторического развития, может ли в таком народе возникнуть гражданское самосознание, есть ли для этого хоть какие-либо предпосылки?

Предпосылок нет, но есть одно достоинство – его молодость, другие народы устали, а он полон сил, абсолютно не растроченных. Архаичность превращается в достоинство. «Русский народ, казалась, представлял собой геологический пласт, покрытый верхним слоем, с которым он не имел никакого действительного сходства, хотя этот слой от него же отделился. Свежие силы, скрытые возможности, таящиеся в этом пласте, никогда не были вполне разбужены» [2, т. 18, с. 182]. Парадоксальная логика: если этого не было, значит обязательно будет, потому что не было.

Еще один плюс в пользу того, что свежие силы русского народа обязательно будут разбужены. Этот плюс – великое страдание народа. «Он многое перенес, многое выстрадал, он сильно страдает и теперь, но он остался самим собой, замкнутый в своей маленькой общине, оторванный от собратьев, рассеянных на огромных пространствах страны, он, тем не менее, нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средство сохранить себя; он низко склонил голову и несчастье часто проносилось над ним» [2, т. 8, с. 209].

Другой важный фактор – ненависть народа к власти. «Он перестал понимать правительство; он увидел в российском офицере и в судьбе – врага, он увидел в помещике грубую силу, с которой ничего не мог поделать» [2, т. 8, с. 209]. Отсюда идея двух России. «Одна Россия – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презирая и эксплуатируя другую. Другая, земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона» [2, т. 12, с. 41]. «Между человеком в рубахе поверх штанов, ничего не имеющим общего с правительством, и человеком бритым, который одет на немецкий лад и чужд общине, существовала лишь одна живая связь – солдат» [2, т. 7, с. 175]. Народ ненавидит власть, а власть народ презирает. «Отчужденность чиновничьего мира от народа и народа от правительства достаточно очевидна. Петербургское правительство, это террористическая диктатура, цезаризм, доведенный *ad absurdum*. Его народ – дворянство, но это лишь постольку, поскольку дворянство – враг народа» [2, т. 12, с. 64].

Герцен, как и многие мыслящие люди XIX века, ненавидел русское государство, вся его сознательная жизнь, вся его деятельность была направлена на разрушение этого деспотизма. Именно в творчестве Герцена на первый план встает проблема нравственного освобождения человека в русском обществе. Человек есть нравственное создание, но власть превращает его в скота. «Идеал государственного порядка и цивилизации для этой трех первоклассной сферы – восточная сераль и прусский вахтпарад. Сераль, в которой люди, отрякаясь от своего зоологического достоинства, падают на четвереньки перед владыкой; и фронт, в котором человек, приделанный к ружейному прикладу, унижается до восковой фигуры и четыре тысячи ног поднимаются под тем же углом и опускаются в ту же секунду» [2, т. 14, с. 222]. Деспотическое государство не

воспринимает человека как гражданина, о человеческом достоинстве не может быть и речи, даже достоинстве высших слоев общества. Пока люди не осознают, что все они равны, потому что обладают равным человеческим достоинством, пока эта не станет нормой их бытия, о гражданском обществе не стоит говорить.

Каково государственное устройство России, что есть вертикаль, употребляя термин современного политического лексикона, российской власти? «Россия в полном смысле слова управляется адъютантами, указами, писарями и эстафетами. Сенат, государственный совет (учреждение более позднее), министерства – не что иное как канцелярии, в которых не спорят, а исполняют, не обсуждают, а переписывают. Вся администрация представляет собой крылья телеграфа, с помощью которого человек из Зимнего дворца извещает свою волю» [2, т. 12, с. 191]. При таком устройстве не приходится говорить о каком-либо диалоге народа и власти.

Возможно ли пробуждение русского народа? Есть ли в народе силы, способствующие его развитию, способствующие превращению его из геологической массы в граждан. Герцен не находил в народе источник развития, источник творчества общественных форм. Где же они есть? «Единственная среда, в которой могут развиваться идеи личного права и идеи революционные, – это дворянство и среднее сословие» [2, т. 12, с. 198]. Дворянство интеллектуально и нравственно развитое, опирающееся на европейские демократические традиции.

Запад? Да, Запад. Там Герцен видел демократические, гуманистические ценности, несовместимые с русским деспотизмом. Без Европы, без европейского просвещения Россия не сможет стать свободной страной. Если Россия это гнетущий деспотизм, то Запад – свобода лица. «Свобода лица – величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом должен человек уважать свою свободу и чтить ее не менее как в ближнем, как в целом народе» [2, т. 6, с. 14]. Европейские идеи, европейское просвещение, посредством среднего дворянства, может привести к пробуждению русского народа к сознательной жизни. Только европейская рациональная и нравственная прививка может пробудить народ от «геологического» сна и вывести на трудную дорогу социального и нравственного освобождения. А «врачом», «проводником» европейских гуманистических ценностей может стать, по мнению мыслителя, определенный, находящийся в оппозиции к русскому деспотизму, слой дворянства.

Просветительскую идеологию Герцена продолжил в русской общественной мысли П. Л. Лавров, который разработал целую концепцию нравственного освобождения русского народа, и изложил ее в своих знаменитых «Исторических письмах». Сам народ пробудиться не сможет, его надо просвещать. Просветителем русского народа должна стать интеллигенция, критически мыслящие личности. Герценовское дворянство превратилось в интеллигенцию.

Дворянство Герцена было настроено оппозиционно к русскому государству, прежде всего, в силу нравственных мотиваций. Деспотизм унижает достоинство человеческой личности. Интеллигенция в русском народничестве тоже этически мотивирована. Интеллигенция понималась как сила нравственная, как нравственная оппозиция, нравственным долгом которой было просвещение русского народа. Просвещение в социально-нравственном смысле, просвещение для освобождения, просвещения для развития и пробуждения нравственного достоинства личности.

Интеллигенция это тот слой общества, который уже стал, в силу собственного развития, нравственно свободным. Поэтому нравственный долг интеллигенции заключается в нравственном освобождении народа.

Интеллигенция, по Лаврову, это те личности, которые становятся активными участниками общественного прогресса. Характерной чертой интеллигенции, согласно методологии подхода мыслителя, основанного на антропологическом принципе, являлась ярко выраженная и в значительной степени реализованная потребность развития.

Высокий уровень развития личности дает ей возможность жить исторической жизнью. Поэтому интеллигенция это «совокупность личностей в каждом обществе, живущих исторической жизнью, т.е. действующих под влиянием сознательного побуждения к развитию...» [3, с. 22]. Интеллигенция – это слой людей, опирающийся на потребность развития, сформировавший критическую мысль. Таким образом, именно потребность развития, способность к развитию «выделяет интеллигенцию исторических периодов из народов, классов и многочисленных отдельных особей, остающихся вне истории, и устанавливает грань между жизнью не исторического и жизнью исторического» [4]. На интеллигенции, таким образом, лежит огромная историческая ответственность, обязывающая ее бороться за прогресс.

Центральное место в процессе формирования личности занимает категория развития. Развитие, берущее свое начало в наслаждении, есть тот стержень, который превращает человека в созданный Лавровым идеал личности. «Развитие представляет не только наслаждение вообще, и даже не только наслаждение, подлежащее оценке по его пользе, оно представляет состояние духа, в котором личность сознает себя выше, чем была. Сойти на прежнее положение, – это для нее унизиться, продолжить тот же процесс, – это для нее – возвыситься» [5, с. 45]. В силу этого развитие для личности приобретает характер необходимой обязанности. «Развитие есть единственный факт, вызывающий естественное сознание высшего и низшего состояния. Он есть и единственный, к которому психологически правильно приложить термин обязательности. Внутренняя элементарная обязанность для личности одна – обязанность развиваться» [5, с. 54].

Основываясь на идее развития, Лавров строил систему нравственных императивов. Личность обязана развиваться и также обязана бороться за право развития других людей. На основании этого мыслитель создал систему революционной нравственности. «Нравственно и обязательно содействовать развитию других

людей... бороться за право расширения этого развития против всех препятствий... Участие в организации, стесняющей человеческое развитие, нравственно преступно» [6, с. 54].

Путь борьбы с деспотизмом российского государства есть интеллектуальное и, прежде всего, нравственное развитие личности. Только развитие и нравственные личности могут противостоять деспотизму, только развитие и нравственные личности – свободны. Только нравственное развитие личности, по Лаврову есть действительный путь освобождения русского народа, действительный путь к формированию гражданского общества в России.

Актуальна ли сегодня просветительская идеология, основанная на том, что изменение нравственного сознания может привести к изменению общественных отношений и, можно сказать мягче, к улучшению общественных отношений? На наш взгляд, да! Наоборот, самые радикальные изменения общественных отношений, без изменения нравственного сознания, без интеллектуального и нравственного развития личности, говоря языком Лаврова, не приводят к желаемым результатам.

В конкретно-исторических условиях России 70-х годов XIX века потребность развития была присуща, по мнению Лаврова, небольшому количеству людей, «критически-мыслящим личностям», интеллигенции. «Для Лаврова область нравственности не только не прирождена человеку, но далеко не все личности вырабатывают в себе нравственные побуждения, точно также как далеко не все доходят до научного мышления», – писал мыслитель о своих взглядах [6, с. 47]. В силу этого борьба за развитие личностей есть расширение сферы нравственности, тем самым расширение сферы справедливости в обществе. Таким образом, согласно логике Лаврова, гражданское общество может только тогда, когда большинство членов общества станут развитыми, критически мыслящими личности.

Реально это или это утопия? На наш взгляд, это единственно реальный путь становления гражданского общества в России. Правового и политического освобождения недостаточно, только осознание себя рационально и нравственно автономным, критически мыслящим субъектом, только это создает предпосылки для гражданского общества. Общество может снять с раба правовые политические и социальные оковы, но нравственный субъект должен снять с себя сам, сам должен «выдавить» из себя раба. Пока он этого не сделает, пока он не прозреет, гражданское общество не возможно.

Лавров понимал, что интеллигенция составляет меньшинство в обществе. «В истории участвовало, и исторической жизнью жило до сих пор лишь меньшинство, положим расширяющееся, но все-таки меньшинство, при том довольно незначительное» [3, с. 91]. Как просветитель в лучшем смысле этого слова Лавров свято верил в преобразующую силу науки и научного знания, нравственности, связывал реализацию своего идеала именно с духовным воздействием на общество этого меньшинства. Духовное и практическое влияние интеллигенции должно преобразовать косность консервативной культуры, ввести массы людей в лоно исторической жизни, создать массам условия для возможности развития. Поистине грандиозная, нравственно высокая задача, к решению которой призывал русскую интеллигенцию Лавров.

Однако возникает резонный вопрос – почему, в силу каких мотиваций интеллигенция должна просвещать русский народ? В силу этической мотивации, в силу своего нравственного долга, в силу вины интеллигенции перед народом.

Сформировалась идея долга интеллигенции перед народом, которая логически вытекала из идеи двух Россией: России народа и России дворянской, чиновничьей, России просвещенной. Первым на это в русской социально-философской мысли обратил внимание П. Я. Чаадаев, подвергший уничижительной критике Россию и русский народ, показав огромную пропасть между народом и образованным обществом. «Чаадаев во многом был не прав, но жалоба его была законна, и голос его заставил выслушать ужасную истину. Именно этим объясняется его громадный отзвук», – писал А. И. Герцен [2, т. 6, с. 218]. Герцен сформулировал идею вины либеральной интеллигенции перед народом, психологический тип «кающегося дворянина» в русской литературе. «Виновато ли меньшинство, что все историческое развитие, вся цивилизация предшествующих веков была для него, что у него ум развит за счет крови и мозга других, что оно вследствие этого далеко ушло вперед от одичалого, неразвитого, задавленного тяжелым трудом народа» [2, т. 6, с. 81].

В русском народничестве тема долга интеллигенции перед народом трансформировалась в практическую плоскость, что реализовалось в разработке Лавровым идеи роли и значения интеллигенции в историческом процессе. «Дорого заплатило человечество за то, чтобы несколько мыслителей в своем кабинете могли говорить о его прогрессе» [2, т. 6, с. 81]. Интеллигенция обязана, в силу этической мотивации, восстановить историческую справедливость, суть которой в создании возможности развития для всех людей.

Есть ли у интеллигенции этот, «придуманный» русскими философами, нравственный долг или нравственная обязанность? Да есть, причем не субъективно мотивированная, а объективно существующая. Это объективно существующее свойство всякого мыслящего человека, в данном случае, мыслящего сословия – интеллигенция. Вспомним Декарта – «я сомневаюсь, значит, я мыслю, я мыслю, значит, я существую». Мышление – онтологическая категория. Вспомним кантовский «Спор факультетов»: философский факультет должен подвергать сомнению идеи, сформулированные на высших факультетах. Субстанциональное свойство мыслящего сословия – мышление, мышление воздействует на мышление других людей, будит в них нравственное сознание, расширяет сферу мысли, нравственности и справедливости. Можно назвать это долгом, а можно неотъемлемой сущностью интеллигенции.

Однако существовала и другая точка зрения, отрицавшая любые просветительские идеи, представителем которой был М. А. Бакунин. Он полагал, что никакого просвещения народа не нужно. Народ сам лучше знает, как обустроить свою жизнь, чем те или иные просветители.

Жизнь предшествует мысли – этот тезис имел для Бакунина методологическое значение. Если наука способна познавать законы развития природы и общества, значит, ученое меньшинство, познающее эти законы, должно управлять миллионами людей. «На другой день революции, – считал Бакунин, – новая общественная организация должна быть создана не свободным соединением народных ассоциаций, общин, волостей, областей снизу вверх, сообразно народным потребностям и инстинктам, а единственно диктаторской властью этого ученого меньшинства, *будто бы* выражающего общенародную волю». Такова логика рассуждений мыслителя [1, т. 1, с. 239]. Приоритет науки над жизнью имеет своим следствием власть меньшинства над большинством.

Основой построения будущего общества должна быть жизнь, инстинкты народа. «Мы революционеры – анархисты... мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом: что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины» [1, т. 1, с. 237]. Таким образом, основанием будущего «безгосударственно-го» общества должны стать инстинктивные потребности миллионов людей.

Не просвещение народа, а «инстинкт», «инстинктивная потребность», «инстинктивная революционность». Просто необходимо выявить инстинктивные потребности народа. «Эти инстинкты, повторяю еще раз, глубоко социалистичны, ибо это инстинктивный протест всякого рабочего человека против эксплуататоров труда, – и весь элементарный, естественный и действительный социализм в нем» [1, т. 4, с. 237]. Рациональное зерно такого подхода заключалось в том, что Бакунин опирался на потребности народа. Необходимо «дать рабочему полное сознание того, что он хочет, пробудить в нем мысль, соответствующую его инстинкту, ибо тогда мысль рабочих масс поднимется до уровня их инстинкта, воля их определится и могущество их станет несокрушимо» [1, т. 4, с. 12].

Таким образом, приоритет жизни над наукой, абсолютизация инстинктивных потребностей народа исключает всякое просвещение. Народ, на уровне инстинкта, сам знает, как обустроить свою жизнь, народу необходима только свобода.

Другой русский мыслитель П. Н. Ткачев, как и Бакунин, полагал, что просвещать русский народ не надо. Но в отличие от Бакунина, по мнению Ткачева, у русского народа нет и никаких инстинктивных, дорациональных представлений.

Острые дискуссии в литературе вызвала проблема власти «на другой день революции». Бакунин выступал против власти революционного меньшинства, утверждая, что власть, оторванная от народа, не контролируемая народом, может быть направлена против него. Власть, по его мнению, должна быть передана органам народного самоуправления. «Неужели они не понимают, – критиковал Ткачев анархистов, – что передать законодательную власть общинам – значит передать им одну из главнейших функций государства, иными словами – не разрушать государственную власть, а, напротив, создать из каждой общины самостоятельное государство» [7]. Если революционное меньшинство не удержит власть в своих руках, то, как полагал Ткачев, консервативное большинство распространит свои косные, рутинные общественные идеи, сформирует архаичные формы общественного устройства. Но в чем гарантия верности революционного меньшинства интересам народа? Такой гарантией должны стать, по мнению Ткачева, социалистические идеалы, выработанные меньшинством. Революционное меньшинство, используя государство и его карательные органы, путем насилия будет воплощать в действительность социалистический идеал.

Таким образом, нравственным критерием принуждения у Ткачева выступает верность революционного меньшинства социалистическому идеалу. Насилие над народом оправдано во имя его же блага, которое сам народ в силу косности и невежества понять не может.

К сожалению, русская история пошла по пути Ткачева. В. И. Ленин, реализовал ткачевский план на практике. К сожалению и в современном обществе власть не заинтересована в нравственном освобождении народа, в подлинном формировании гражданского общества. Так же как и сто лет назад, власть полагает, что она сама знает, что надо народу.

Просветительская традиция основана на приоритете разума, на понимании разума как реальной общественной силы, способной изменить человека, общество, общественные и нравственные отношения. Марксизм критиковал эту теоретическую установку за утопизм, полагая, что сначала нужно изменить общественные отношения, а затем как следствие этого измениться сам человек и нравственные отношения. Марксизм, в его ленинском, русском варианте, стал продолжателем позиции Ткачева, полагая народ нужно вести к светлому будущему, не исключая и насилие.

Однако историческая практика показывает, что изменение общественных отношений как следствие не приводит к изменению человека, его нравственного сознания, не приводит, в конечном счете, к социальной справедливости. Социальная детерминация, на наш взгляд, была несколько переоценена марксистами. Рациональность, нравственность имеют онтологическое основание. Поэтому просветительская традиция в русской общественной мысли это, на наш взгляд, реальный путь освобождения народа. Но путь этот медленный тяжелый, это повседневный кропотливый труд, результат которого здесь и сейчас потрогать нельзя. Проще совершить революцию, переворот, смену власти, но само по себе это действие без многовековой просветительской традиции к положительному результату не приведет. Без изменения «онтологической

структуры сознания», говоря языком Н. А. Бердяева, нравственного прогресса быть не может, а без нравственного не может быть никакого прогресса, не может быть гражданского общества.

Список литературы

1. *Бакунин Михаил*. Избр. соч. Пг.-М., 1919–1921. Тт. 1-4.
2. *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954-1965. Т. 7.
3. *Лавров П. Л.* Опыт истории мысли нового времени. Женева, 1888.
4. *Лавров П. Л.* Задачи понимания истории. М., 1898.
5. *Лавров П. Л.* Современные учения о нравственности и ее история. СПб., 1903/4.
6. *Лавров П. Л.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2.
7. *Ткачев П. Н.* Сочинения: в 2 т. М., 1975-1976. Т. 2.

THE IDEA OF PEOPLE LIBERATION IN THE RUSSIAN PUBLIC IDEAS OF THE XIXth CENTURY

Yudin A. I.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
ayudin51@mail.ru*

Abstract. In the article the problem of searching the ways of people moral liberation as a condition of civil society formation is considered. Moral liberation is interpreted as the necessary factor of progress.

Key words and phrases: people; state; authority; violence; education.